

Вскорѣ къ дому Добровскаго подскакалъ Ономасовъ со своими спутниками и потребовалъ выдачи бѣглянки.

— Что вы меня встрѣчаете, какъ медвѣдя, съ рогатинами,— кричалъ онъ,—подавайте жену мою и крѣпостнаго человѣка Гаврюшку, и мы тотчасъ уѣдемъ...

Добровскій отказалъ. Да и надо было быть нечеловѣкомъ, чтобы согласиться на выдачу. Пришедшая въ себя, Екатерина Николаевна обнимала колѣни Добровскаго и молила его о защитѣ. Увидѣвъ, что дѣло не выгораетъ, Ономасовъ бросился опроретью въ свою деревню за вспомогательными силами, и скорѣ сто человѣкъ на коняхъ съ ружьями и дрекольями въ рукахъ, предводительствуемые Ономасовымъ и Огибаевымъ, осадили усадьбу Добровскаго. А у него не было и половины «арміи» противника. Возможно ли было при такихъ условіяхъ защищаться?

Гарцуя на конѣ передъ домомъ Добровскаго, Ономасовъ, какъ древній герой, отборною бранью вызывалъ своего противника на бой. Тотъ не являлся. Чтобы побѣдить его хладнокровіе, Ономасовъ передъ всѣми величалъ Добровскаго презрѣннымъ трусомъ, котораго слѣдуетъ застрѣлить, какъ гадину... Въ это время Екатерина Николаевна, забившись въ заднюю комнатку, трепетала отъ страха и была «въ отчаяніи жизни». Ее успокоивали, какъ могли... Ломалъ въ отчаяніи руки и старый Гаврило, котораго Ономасовъ обѣщалъ жарить на медленномъ огнѣ и крючьями перервать ему жилы. Пока было свѣтло, Ономасовъ съ Огибаевымъ, повидимому, боялись брать приступомъ усадьбу и домъ Добровскаго; но къ вечеру они стали смѣлѣе, и кольцо всадниковъ, окружавшихъ усадьбу, становилось все тѣснѣе и тѣснѣе. Вступить въ бой со своими людьми противъ врага Добровскій не смѣлъ, а между тѣмъ на небо нахлынулъ мракъ ночи. Спаситься Ономасовой отъ рукъ разъяреннаго мужа и свекра, казалось, не было возможности. Но вотъ среди ночной тишины понесли звуки: донъ-донъ-донъ... Забилъ въ набатъ крѣпостной человѣкъ Добровскаго, сумѣвшій, по приказанію барина, пробраться сквозь цѣпь Ономасовскихъ всадниковъ и поднять тревогу въ ближнемъ къ усадьбѣ селѣ. Жители села всполошились. Тогда Ономасовъ съ Огибаевымъ, скрежеща зубами, ругаясь и бѣснуясь, поспѣшили удалиться отъ осажденной ими усадьбы... за ними послѣдовала вся ватага. Ономасова вздохнула свободнѣе.

IV.

На утро Добровскій поскакалъ въ уѣздный городъ къ предводителю дворянства и въ земскій судъ съ просьбой о защитѣ несчастной жены отъ изверга-мужа. Просьба его была принята, и для производства слѣдствія выѣхалъ въ тотъ же день въ усадьбу